

УДК 947.081/.083(09)(571.6)

*Заколотная А.С.
Zakolodnaya A.S.***Казачество или крестьянство:
вопросы подбора переселенческого элемента
в работах дореволюционных исследователей****The Cossacks or the peasantry:
the issues of selection of resettlement element
in the works of pre-revolutionary researchers**

В статье рассматриваются взгляды дореволюционных исследователей на вопросы подбора колонизационного элемента для Дальнего Востока России. Основное внимание авторов было сосредоточено на казачестве и крестьянстве, их роли в деле освоения региона, а также перспективах переселения в будущем.

Ключевые слова: казачество, крестьянство, переселение, колонизация, изучение, российский Дальний Восток

The article considers the views of the pre-revolutionary researchers on questions of selection of resettlement element for the Far East of Russia. The authors focused on the Cossacks and peasants, their role in the development of the region, as well as the prospects for resettlement in the future.

Key words: the Cossacks, peasants, resettlement, colonization, research, the Russian Far East

Вопрос о колонизационном элементе для заселения дальневосточного региона после его присоединения к России рассматривался многими дореволюционными исследователями и чиновниками. Государство на Дальнем Востоке стремилось решить проблемы военно-стратегические и политические, необходимо было обезопасить присоединённые земли от посягательств со стороны Китая и европейских держав. Для достижения поставленных целей важно было увеличить плотность населения. Чаще всего дореволюционные исследователи рассматривали в качестве переселенцев казачество и крестьянство.

На начальном этапе освоение Дальнего Востока шло за счёт принудительного переселения сюда казаков. Полученные в итоге результаты часто оценивались как отрицательные: казачество виделось сословием, не отвечающим задачам колонизации. И.В. Мевиса считал, что «амурское казачество представляет весьма скудный элемент в деле развития края» [7, с. 62]. В описании Д.И. Стахеева лишь некоторые казачьи станции походили на настоящие оседлые селения, остальные же «сливаются в общую массу казённых поселений, плохо устроенных и зачастую не на месте поставленных» [9, с. 240, 301]. С. Максимов полагал, что казачество не представляло собой реальной военной силы, мало приспособ-

ЗАКОЛОДНАЯ Анна Сергеевна, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** zakolodnaya@mail.ru

блено к сельскому хозяйству [6, с. 298]. Однако автор не склонен во всём обвинять только казаков, так как из 50 посещённых им станиц, лишь 19 были образованы в местах пригодных для занятия сельским хозяйством.

Более жёсткой позиции придерживался Г. Алябьев, полагавший, что казачество является худшим колонизационным элементом, ленивым и не стремящимся сделать что-нибудь для изменения своего положения. В станицах размер обрабатываемого земельного надела на душу населения был мал (от 0,19 до 0,91 дес.) [1, с. 98], качество обработки земли низкое, поэтому урожая хлеба не хватало на весь год [1, с. 99], казаки зависели от казённого пайка. В статье неизвестного автора в «Русском Вестнике» указывалось, что «у многих наших казаков лень и любовь к совершенно праздному препровождению времени глубоко вкоренились. Они все почти свои надежды возлагают на него (начальство) и пришли к тому убеждению, что казна всё им даст. Крестьянина нашей области без дела не увидишь, а казака очень часто застанешь совершенно праздным» [4, с. 427, 445-446].

Е.Т. Смирнов сравнил итоги казачьего и крестьянского переселения. Успешным, по мнению автора, было лишь последнее [8, с. 379-380]. Такой результат он объяснял не колонизационными качествами крестьян или казаков, а разницей в подходах к организации и проведению переселения: крестьянам была предоставлена свобода выбора мест поселения, казакам нет [8, с. 379].

Построена на сравнении хозяйств казаков и крестьян и работа Ф. Волгина. Автор отметил, что крестьяне достигли больших успехов в хозяйстве: у них количество распаханной на душу земли было вдвое больше чем у казаков, внешний вид крестьянских селений производил «отрадное впечатление» [3, с. 138-139]. Ф. Волгин разницу в достатке, уровне жизни крестьян и казаков объяснял не отсутствием тех или иных качеств у последних, а условиями, в которых они оказались. Так, казаки были переселены в регион принудительно, «совершенно не были подготовлены к колонизации края» [3, с. 134-136]. В издании «Амур и Уссурийский край» неизвестный автор, сравнив результаты деятельности крестьян и казаков, пришёл к выводу, что первые создали самостоятельные земледельческие хозяйства, а вторые превратились в безнравственное население, зависимое от казённых пособий. Автор настаивал на необходимости переселения только крестьян, так как «казаки завели здесь худые нравы. И поныне пьянство сильно свирепствует у них» [2, с. 137].

Интересна точка зрения С. Коржинского. Он считал, что многие из казаков оказались в крае не по своему желанию, при переселении «были стесняемы и в количестве скота, и количестве хлеба, которое можно было взять с собою», неудачно были выбраны места под поселения, неожиданные разливы реки «затопляли поля и деревни переселенцев, сносили избы, только что поставленные стога сена, портили хлеб и вообще производили полное разорение или, по крайней мере, наносили большой ущерб неустановившемуся хозяйству колонистов» [5, с. 17-18]. Сравнив «отношение к земле и принципы ведения хозяйства» у крестьян и казаков, автор пришёл к выводу, что они были одинаковыми. Однако казак ассоциировал себя прежде всего в качестве военного человека: «для него земледелие представляет нечто побочное не потому, что служба отнимала уже слишком много времени..., но потому, что так сказать, развёртывает иные жизненные перспективы. Смотри на себя как на человека «казённого», он не относится так горячо к хозяйству, как крестьянин [5, с. 30-31]. С. Коржинский отдавал должное трудолюбию казачьего населения, признавая его «большие заслуги по колонизации края, которая была сопряжена с огромными трудностями» и считал, что «казак всё-

таки покоряет природу и расчищает почву для будущих поколений» [5, с. 38-39].

В официальных отчётах гражданских чиновников последовательно проводилась мысль: казаки не могут быть колонизаторами края. Побывавший на Дальнем Востоке чиновник особых поручений при министерстве финансов ст. сов. Слюнин считал, что крестьяне и особенно молokane, гораздо лучше зарекомендовали себя. В отчёте он указал, что хозяйство казаков «ведётся плохо, небрежно, земля обрабатывается первобытными орудиями, тогда как большинство крестьян уже перешло к усовершенствованным способам и орудиям, почему и урожаи казачьих посёлков везде ниже крестьянских и переселенческих» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1108. Л. 76, 77об.-78).

Особенно остро проблема подбора колонизационного элемента встала при решении спора, возникшего вокруг земельного отвода Духовского. С начала XX в. эти территории предполагалось передать для крестьянской колонизации, так как по утверждению статс-секретаря Кривошеина «колонизационные мероприятия ... не могут быть поставлены на вполне прочные и планомерные основания, пока указанные земли не будут плотно заселены русскими людьми» (ГАХК. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1. Л. 16). Предполагалось, что заселение этой территории пройдёт быстро и без особых затрат со стороны правительства, так как здесь уже были «удобные пути сообщения и рынки сбыта». Генерал-лейтенант Поливанов наоборот настаивал на сохранении этих земель за казаками. Каждая из сторон, Комитет по заселению Дальнего Востока и представители Военного министерства, обосновывали свою позицию, доказывая большую пригодность «своего» сословия для выполнения задач колонизации.

В Комитете по заселению Дальнего Востока, ссылаясь на результаты проведённого в 1908 г. хозяйственно-экономического обследования 111 казачьих и 111 крестьянских посёлков, считали, что крестьянская колонизация обладает рядом преимуществ. Крестьяне, имея надел в 2 раза меньше казачьего, содержали почти столько же скота (5,5 голов в крестьянском хозяйстве и 5,8 в казачьем), засевали в 2 раза больше (12,7 дес. в крестьянском хозяйстве и 6,4 дес. в казачьем), обрабатывали почву лучше, получали больший урожай с десятины земли (45 пуд. в крестьянском хозяйстве и 37 пуд. в казачьем), огородничество было развито лучше (площадь огорода у крестьян – 0,57 дес., у казаков – 0,22 дес.) (ГАХК. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1. Л. 17, 31). Кроме того в Комитете обращали внимание на размеры колонизационного потока каждого из сословий: желающих переселиться на Дальний Восток среди крестьян было гораздо больше. В качестве итога подчёркивалось: если позволить крестьянам селиться на землях отвода Духовского, то плотность населения на этих приграничных территориях вырастет в 4-5 раз, так как средний размер крестьянского душевого земельного надела равнялся 10-12 дес., а казачьего – 50 дес. (ГАХК. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1. Л. 32). Казаки были не в состоянии обработать такой большой надел личным трудом, сдавали его в аренду корейцам и китайцам, что не отвечало интересам государственной безопасности. Среди чиновников Главного управления землеустройства и земледелия было широко распространено мнение, что казаки являются «ненадёжным элементом в смысле колонизационном: казаки земледелием не занимаются и в большинстве или сдают свои земли в аренду, или нанимают батраков – корейцев и китайцев» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1108. Л. 29, 65об.). Поэтому крестьянская колонизация была предпочтительней казачьей как в экономическом отношении, так и в стратегическом (ГАХК. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1. Л. 17-17об.).

С данной позицией не был согласен представитель Военного министерства генерал-лейтенант Поливанов. Он старался доказать не-

обходимость сохранения земель отвода Духовского исключительно для заселения их казаками, подчёркивая, что казачья колонизация может дать те же результаты, что и крестьянская. Генерал-лейтенант Поливанов настаивал, что размер возможного казачьего колонизационного потока занижен. Так население некоторых казачьих войск в Европейской России страдало от малоземелья и при определённой помощи со стороны правительства было готово переселиться в Приамурье, Военное министерство имело данные о нескольких сотнях семей из пяти войск Европейской России, намеревающихся переселиться на Дальний Восток (ГАХК. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1. Л. 19). Он настаивал, что при схожих условиях хозяйства казаков не уступают крестьянским по уровню экономического развития. В хозяйствах крестьян площадь обработанной земли и размер урожая были выше, но казаки имели больше скота, сена и побочных заработков, то есть «одно до известной степени компенсировалось другим» (ГАХК. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1. Л. 20). В конечном итоге каждое из ведомств осталось при своём мнении.

Вопрос о том, кто должен заселять край, порой принимал своеобразный оборот. В 1909 г. в нижнем течение р. Бикин возник новосельский казачий посёлок «Кубанский» Уссурийского войска. Основали посёлок крестьяне, выходцы из средней полосы России, долгое время арендовавшие там землю у кубанских казаков. На Дальнем Востоке 101 семья новосёлов оказалась в безлюдной, подверженной наводнениям и отрезанной от населённых пунктов местности (РГВИА. Ф. 400 Оп. 25 Д. 2228. Л. 2). Единственным непостоянным и опасным способом связи с окружающим миром был сплав по рекам Бикин и Алчан на лодках. Это негативно сказывалось на экономическом положении новосёлов, лишённых возможности поиска заработка, доставки в посёлок необходимых продуктов. В итоге количество семей сократилось до 64 (27 семей вернулись обратно и 10 находились в «безвестной отлучке») (РГВИА. Ф. 400 Оп. 25 Д. 2228. Л. 1об.). Оставшиеся считали, что изменить положение возможно только путём перехода в крестьяне. Люди надеялись, что после этого Переселенческое Управление построит дорогу до станции Бикинской. Это позволило бы связать посёлок с населёнными пунктами и ускорило бы заселение окружающей местности, что в конечном итоге поставило бы жителей Кубанского в более благоприятные экономические условия.

Дальнейшие события вылились в фактическую борьбу двух ведомств: Переселенческого и Военного. Каждое из них решало стоявшие перед ним задачи, при этом нужды конкретных людей отошли на второй план. 3 апреля 1910 г. был Высочайше одобрен журнал Комитета по заселению Дальнего Востока и Переселенческое Управление получило разрешение на заселение крестьянами свободных земель отвода Духовского. После подписания документа ведомство начало заготовку в долине р. Бикин наделов для крестьян общим количеством до 5000 душевых долей с землёй довольно плохого качества (РГВИА. Ф. 400 Оп. 25 Д. 2228. Л. 2). Лучшие земли располагались вокруг посёлка Кубанского и входили в его временный надел. Поэтому заведующий переселением Приморского района хотел объединить оба этих участка, так как такая комбинация земель сделала бы их более привлекательными. Вероятно, переселенческая администрация рассматривала посёлок Кубанский и окружающие его пустующие земли как плацдарм для будущего заселения среднего и верхнего участков долины реки Бикин, «весьма трудных для колонизации».

Военное ведомство смотрело на эту ситуацию совершенно иначе, оно было категорически против такого развития событий. По мнению чиновников военного ведомства, переход жителей целого посёлка в

крестьяне может привести к «массовому бегству» в это сословие среди казаков. Разрешение такого перехода создало бы очень опасный прецедент, на который возможно будут ссылаться в других подобных ходатайствах. Особо подчёркивалась невозможность такого массового перехода из одного сословия в другое с точки зрения закона, согласно которому разрешение давалось лишь отдельным лицам (РГВИА. Ф. 400 Оп. 25 Д. 2228. Л. 2об.-3). За 1910 – 1912 гг., в течение которых рассматривался этот вопрос, никакого решения принято не было, поэтому к августу 1912 г. в селе Кубанском осталось жить всего 2 семьи казаков.

Спор ведомств вокруг отвода Духовского и подбора переселенцев продолжался и в последующие годы. В 1909 г. была создана Амурская комплексная экспедиция, в задачи которой входило изучение местности, прилегающей к линии постройки амурской железной дороги, и определение её пригодности для заселения и хозяйственной деятельности и др. В отчёте экспедиции за 1910 г. особое внимание было уделено вопросам землепользования и землевладения у казачьего населения. Авторы отчёта были совершенно не согласны с существующим правительственным проектом наделения казаков землёй. Норма душевого надела определялась проектом следующим образом: в надел станичным и поселковым обществам предполагалось отводить удобной земли по 30 дес. на каждую душу мужского пола. Если же в районе не хватало удобной земли, тогда казаки по душевому наделу могли бы получить в зачёт их 60 дес., прочих угодий 10 дес., на «прибылые души» 10 дес. и на войсковые надобности 10 дес., итого 90 дес. земли на одну мужскую душу. По расчётам авторов отчёта, если в казачьей семье было три мужчины, они могли рассчитывать на получение надела размером в 270 дес., что превышало размер надела крестьянина-старожила (100 дес.) более чем в 2,5 раза и было в 6 раз больше максимального надела крестьян-новосёлов (45 дес. на двор) [10, с. 88]. При этом экспедицией было установлено, что «всякий земельный излишек в наделе казаков может быть ими использован только при условии его сдачи в аренду или обработки наёмным трудом, причём и арендатором, и работником в крае может быть только представитель жёлтой расы» [10, с. 87]. Исследователи выступали против точки зрения, согласно которой казачество нуждалось в предоставлении им больших земельных участков в целях защиты края. По их мнению, достижение этих целей было возможно лишь при сокращении чрезмерно больших наделов, выделяемых казачеству, так как в противном случае безопасности Дальнего Востока угрожала бы мирное «завоевание его чужеземцами», в лице китайцев и корейцев – основных арендаторов. Чтобы избежать такого нежелательного развития событий, в отчёте был предложен следующий план: предлагалось выделять казакам душевой надел в размере не более 15 дес. пахотной земли и 15 дес. прочих угодий, заменить земельный войсковой запас денежным пособием войску, отводить казакам наделную землю в собственность и при этом разрешить им, как и крестьянам, право выхода из общинного землепользования (РГВИА Ф. 400. Оп. 25. Д. 2265. Л. 8, 30-30об., 33-33об.) [10, с. 88].

В июне 1911 г. Председатель Комитета по заселению Дальнего Востока Статс-Секретарь Столыпин попросил Военное Министерство дать заключение по общим выводам Амурской экспедиции за 1910 г., главным образом, по предложениям, затрагивающим предметы его ведения (РГВИА Ф. 400. Оп. 25. Д. 2265. Л. 5). Военное Министерство не согласилось с указанными предложениями. В заключении Казачьего Отдела, составленном по требованию Начальника Генерального Штаба Я.Г. Жилинского, указывалось, что проект разрабатывался совместно с участием представителей Главного Управления Землеустройства и Земледелия и начальником Переселенческого Управления. Особо подчёркивалось,

что при разработке законопроекта Военное Министерство пошло на ряд значительных уступок именно для скорейшего заселения Приамурья. Законопроект был внесён для рассмотрения в Государственную Думу 18 февраля 1911 г., его отзыв и переработка потребовали бы значительных временных затрат, что отрицательно бы сказалось на положении Амурского и Уссурийского казачьих войск, нуждающихся в землеустройстве, а также на всём деле колонизации дальневосточного края (РГВИА Ф. 400. Оп. 25. Д. 2265. Л. 8об.-9, 33об.). Кроме того чиновники Казачьего Отдела были против отмены у казаков общинного землепользования, так как это привело бы к резкому расслоению в среде казачества, появлению большого количества малоземельных и безземельных, которые будут не в состоянии нести службу. При отсутствии у казака необходимых средств его на службу снаряжало станичное общество, с ликвидацией общинного имущества такая помощь будет невозможна (РГВИА Ф. 400. Оп. 25. Д. 2265. Л. 10об.). В результате отмена общинного пользования у казаков отрицательно скажется на боеспособности казачьего населения. Таким образом, между взглядами, проводимыми в отчёте Амурской экспедиции по вопросу о землеустройстве Дальневосточных казачеств, и заключением Казачьего Отдела Главного Штаба по этому отчёту обнаруживается «полное несогласие» (РГВИА Ф. 400. Оп. 25. Д. 2265. Л. 33об.-34).

Однако не стоит рассматривать эти противоречия как абсолютные разногласия между двумя ведомствами: военным и гражданским. Ситуация не была столь однозначной. Отдельные военные чины разделяли высказанные в отчёте положения. Так, начальник Генерального Штаба Я.Г. Жилинский считал, что Амурское и Уссурийское казачьи войска вряд ли смогли бы в ближайшем будущем увеличить количество выставляемых ими сотен. Он указывал, что крестьянская колонизация края идёт более интенсивно, чем казачья. Именно крестьянская колонизация, по его мнению, обеспечит решение вопросов обороноспособности края. Для доказательства своей точки зрения он использовал следующие положения. Более высокие темпы притока крестьян в край обеспечат необходимую плотность населения в приграничных районах. Кроме того, крестьянская колонизация приведёт к увеличению числа местных новобранцев и запасных, в которых в Приамурье ощущалась острая потребность. Я.Г. Жилинский писал: «Для выставления одной сотни, разворачивающейся в военное время в 3 сотни, число душ мужского пола войскового сословия должно составлять приблизительно 6000 человек, при отводе на каждую душу по 50 десятин земельного надела. Крестьян же переселенцев на той же земельной площади может быть размещено 18 тыс. душ мужского пола, которые при постепенном проведении через войска взятых от них новобранцев дадут, по самому расчёту, 1800 человек воинов, тогда как казаков с той же площади могло бы быть выставлено всего 450 человек» (РГВИА Ф. 400. Оп. 25. Д. 2265. Л. 34об.-35). Кроме этого, Я.Г. Жилинский обращал внимание на следующий факт (также указанный в отчёте Амурской экспедиции): казаки сдавали излишки своей земли, которую были не в состоянии обработать самостоятельно, жёлтому населению, что уже в ближайшем будущем может «грозить самыми нежелательными последствиями». Рассматривая крестьянина и казака как воинов, Я.Г. Жилинский пришёл к выводу, «что разницы между ними ощутительной нет, и, как свидетельствует об этом опыт войны 1904-05 гг., амурский и уссурийский казак предпочитает, как и природный крестьянин действовать в пешем строю» (РГВИА Ф. 400. Оп. 25. Д. 2265. Л. 35-35об.). Поэтому, делает окончательный вывод начальник Генерального Штаба, нельзя возводить искусственные преграды крестьянскому заселению Дальнего Востока, сохраняя запас

земель для будущего прироста казачьего населения, так как это может затруднить оборону края.

Таким образом, многие дореволюционные исследователи и гражданские чиновники сходились во мнении, что казачество по сравнению с крестьянством добилось меньших успехов в крае, считали казачество более слабым или вовсе не пригодным для переселения элементом, как в экономическом отношении, так и в стратегическом. Причём одни полагали, что это было связано с особенностью переселения казаков, его принудительным характером, другие же видели причину в их нравственных качествах, лени и инертности. Большинство военных придерживалось прямо противоположной точки зрения, они настаивали, что хозяйства казаков не уступают по уровню экономического развития хозяйствам крестьян, а кроме того казаки участвовали в охране границ.

Литература

1. Алябьев Г. Далекая Россия. Уссурийский край. СПб.: Тов-во «Общественная польза», 1872. 115 с.
2. Амур и Уссурийский край. М.: Типография И.Д. Сытина и К°, 1885. 144 с.
3. Волгин Ф. Амур. Природа и люди Амурского края. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1896. 148 с.
4. Жизнь в Амурской станице // Русский Вестник. 1863. XLVIII. С. 417-454.
5. Коржинский С. Отчет об исследовании Амурской области как земледельческой колонии. Иркутск: Типография К.И. Витковской, 1892. 66 с.
6. Максимов С. На Восток. Поездка на Амур. Дорожные заметки и воспоминания. СПб.: Издание книгопродавца С.В.Звонарева, 1871. 597 с.
7. Мевес И.В. Три года в Сибири и в Амурской стране. // Отечественные Записки. 1863. №7. С. 60-90.
8. Смирнов Е.Т. Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамур. генерал-губернатора, 1899. 214 с.
9. Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре СПб.: Тип. К. Вульфа, 1869. 340 с.
10. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Общий отчет за 1910 год. Вып. 1. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1911. 288 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Alyab'ev G. Dalekaya Rossiya. Ussurijskij kraj. SPb.: Tov-vo «Obshhestvennaya pol'za», 1872. 115 s.
2. Amur i Ussurijskij kraj. M.: Tipografiya I.D. Sytina i Ko, 1885. 144 s.
3. Volgin F. Amur. Priroda i lyudi Amurskogo kraja. SPb.: Tipografiya P.P. Sojkina, 1896. 148 s.
4. Zhizn' v Amurskoj stanitse // Russkij Vestnik. 1863. XLVIII. S. 417-454.
5. Korzhinskij S. Otchet ob issledovanii Amurskoj oblasti kak zemledel'cheskoj kolonii. Irkutsk: Tipografiya K.I. Vitkovskoj, 1892. 66 s.
6. Maksimov S. Na Vostok. Pоеzdka na Amur. Dorozhnye zametki i vospominaniya. SPb.: Izdanie knigoprodavtsa S.V.Zvonareva, 1871. 597 s.
7. Meves I.V. Tri goda v Sibiri i v Amurskoj strane. // Otechestvennye Zapiski. 1863. №7. S. 60-90.

8. Smirnov E.T. Priamurskij kraj na Amursko-Primorskoj vystavke 1899 g. KХabarovsk: Tip. Kantselyarii Priamur. general-gubernatora, 1899. 214 s.
9. Stakheev D.I. Za Bajkalom i na Amure SPb.: Tip. K. Vul'fa, 1869. 340 s.
10. Trudy komandirovannoj po vysochajshemu poveleniyu Amurskoj ehkspeditsii. Obshhij otchet za 1910 god. Vyp. 1. SPb.: Tipografiya V.F. Kirshbauma, 1911. 288 s.